

НОВАЯ ЖИЗНЬ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Видра Д. Новая жизнь психоаналитической педагогики // Вопросы философии. 1999. №8. С. 129—142.

Зигмунд Фрейд характеризовал психическое здоровье или болезнь как субъективный феномен, который не может рассматриваться вне зависимости от социальных условий. Душевное состояние индивида зависит от двух факторов: от представлений субъекта о моральных ценностях и общественных нормах и в то же время от его отношений с близкими, с членами его семьи. Почва для развития неврозов возникает, когда на основе этих факторов образуются жесткие психические структуры, заранее предопределяющие характер всех его будущих переживания и его душевное самочувствие. Иными словами, это происходит, когда переживания, по причине своей чрезвычайной болезненности, вытесняются сознанием и «застревают» в бессознательном, где нет прошлого: известно, что бессознательное детерминировано, то есть переживания эти остаются актуальными на протяжении всей жизни и они образуют некую ригидную схему, по которой и строится вся дальнейшая психическая жизнь индивида. Многим известна замечательная и даже уникальная книга Михаила Зощенко «Перед восходом солнца»¹, Зощенко именует эти структуры «порочными связями», которые следует разорвать для того, чтобы выйти наконец из заколдованного круга фиксированных образцов переживаний. А разорвать их можно одним способом: сделать их из бессознательных сознательными. В этом и состоит задача психоанализа. Фиксированные образцы переживаний заставляют воспринимать каждую новую жизненную ситуацию лишь как повторение чего-то уже знакомого, старого и таким образом лишают человека возможности свободного выбора решений. Развивая эту мысль, можно сказать, что психическое здоровье — это «сознательная власть над собственными возможностями, контроль над реальностью и, наконец, способность строить свои отношения с окружающими, не обременяя их страхами, привнесенными из детства»².

В ходе лечения пациент переносит на психоаналитика многие из чувств, относящихся к другим персонам — чаще всего это чувства из его детских отношений с родителями, братьями, сестрами и т.п.; во время сеттинга пациент вновь переживает те ситуации, которые когда-то внушали ему страх, но во всяком случае теперь уже несколько иначе. Страхи его из бессознательных становятся сознательными, а это значит, что они развенчиваются и теряют свою былую силу, пациент должен понять не только рассудком, но и эмоционально, что он уже давно не ребенок, а вполне ответственный взрослый и в состоянии сам инициативно управлять своей жизнью.

Австрийский психоаналитик и психотерапевт Гельмут Фигдор, занимаясь проблемами детского воспитания, размышлял так: если это удастся психотерапевту, который выступает в данной ситуации всего лишь в роли — измененных, «улучшенных» — отца или матери, то почему бы это не могло удаться и самим родителям — пока ребенок мал, и, следовательно, еще не успел развить в себе невротических структур? Но для этого вначале следовало бы внести некоторые изменения в самих родителей, помочь им понять своего ребенка, обогатив их некоторым необходимым психоаналитическим знанием³. Так в начале 80-х годов в Европе начиналось возрождение психоаналитической педагогики.

1 М.Зощенко описывает собственную — весьма успешную — попытку самоанализа. Истории психоанализа таких случаев известно чрезвычайно мало. Предприятия подобного рода доступны далеко не всем, кроме того, это сопряжено с огромным риском.

2 Фигдор Г. Психоаналитически-педагогическая консультация // Московский психотерапевтический журнал. 1997. №1. Гл.1.

3 Там же.

Из истории психоаналитической педагогики

Идея использования психоанализа на ниве воспитания зародилась уже в скором времени после появления самого психоанализа. Часом рождения психоаналитической педагогики считается написание Фрейдом его работы «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Разработкой этой идеи вдохновенно занимались такие знаменитые ученики Фрейда, как Мелани Клайн, Анна Фрейд (младшая дочь Фрейда), Мария Бонапарте, Микаэл Балинт и др. Как известно, в начале века идеи всякого рода переделок — общества и самого человека — сильно занимали европейские умы. Но и здесь не было единодушия: одни сторонники преобразований возвышенно мечтали о том, чтобы воспитать внутренне счастливого человека, который тратил бы свою душевную энергию не на борьбу с внутренними конфликтами, а мог устремить ее на творчество и личное счастье. Других соблазняла возможность воспитания «правильных членов нового общества».

В 1921 г. в Москве был создан детский дом-лаборатория «Международная солидарность». «Все, касающееся детского дома, обсуждалось ни больше ни меньше, как на коллегиях Наркомпроса, Главнауки, Главсоца... Председательствовал на них нередко сам нарком просвещения А.В. Луначарский... Количество воспитанников в детском доме не превышало 10-12 человек. Среди них были сын Сталина Василий, а также дети Ф. Сергеева (Артема), М. Фрунзе, сын известного академика О. Шмидта Владимир»⁴. Детский дом был одновременно учебным центром для врачей и психологов. В эти годы, можно сказать, психоанализ еще процветал в нашей стране: дважды месяц проводились заседания русского психоаналитического общества. Но партийные руководители постепенно убеждались в том, что истинные цели психоанализа — помочь человеку в достижении личного счастья — не совпадают с их целями воспитания поколений послушных и покорных строителей коммунизма. Раздражение самого Сталина и его окружения достигло апогея, после того как ученые-психоаналитики стали пояснять влияние революции и существующего строя на психику человека: в тоталитарном государстве индивидуальность подавляется, каждый «готов объединиться с каждым, кто признает лишь власть отца — вождя, что и демонстрируется на всевозможных парадах и съездах. Единообразие мыслей, поведения, повышенная агрессивность: врачи-психологи такое состояние рассматривали как психоневроз и регресс личности, когда жажда свободы постоянно подавляется»⁵. Стало ясно, психоанализ апеллирует к личности, а не к коллективу, что партийными руководителями могло рассматриваться как явление чрезвычайно вредное. 14 августа 1925 г. народных комиссаров принял решение о ликвидации Государственного психоаналитического института как опасного большевизму. Но и почти четыре десятилетия спустя в Философском словаре (1963) читаем: «Психоанализ — яркий образчик «порочного круга»... Подчеркивая вечность и неизменность основных психических механизмов бессознательного, психоаналитики в психосоциологии оправдывают пороки капиталистического общества как неизбежные проявления неизменных бессознательных влечения человека».

В начале века Зигмунд Фрейд называл Москву третьей психоаналитической столицей мира — после Вены и Берлина. Популярность Фрейда в России была чрезвычайно велика, но и Фрейд в свою очередь нередко обращается к русским литературным источникам, и чаще всего к Достоевскому. Среди его «классических» пациентов и учеников находим мы и русских ученых. К сожалению, и в Европе судьба психоанализа складывалась далеко не безупречно. С приходом к власти национал-социалистов психоанализ подвергается преследованиям как еврейская наука и в конце концов изгоняется из Европы. Гитлера тоже

4 Смирнова Н. Опыты над строителями коммунизма // Московская правда. 27 апреля. 1993.

5 Там же.

мало интересовала индивидуальность личности, и ему нужны были «правильные» — на его вкус — граждане третьего рейха. В 30-е годы психоанализ окончательно переселяется в США, где его дальнейшее развитие происходит на базе медицины⁶.

В послевоенные годы он с большим трудом вновь пробивает себе дорогу туда, где родился. Что же касается попыток проникновения его в педагогику, то идея эта кажется окончательно погибшей. Правда, в известной степени она все же продолжает существовать в форме супервизионных групп, или так называемых групп Балинта. Эти группы психоаналитической взаимопомощи названы так в честь их организатора Микаэля Балинта, ученика Фрейда и Ференци. Формируются они из представителей различных профессий: врачей, учителей, работников судов, воспитателей детских садов, социальных работников, короче, всех тех, чья профессиональная деятельность так или иначе связана с человеческими отношениями. Занятия проводятся под руководством специально приглашаемого на время деятельности группы опытного психоаналитика. Участники делятся своими проблемами и сообщая «нащупывают» в них свои бессознательные мотивы. Задача руководителя — направлять течение беседы в нужное русло, но он не вмешивается непосредственно в эту беседу и сам ничего не анализирует открыто; у участников должно остаться чувство, будто они совершили анализ сами — таким образом приобретается определенный психоаналитический опыт. Но главное, проблема лишь тогда может быть успешно переработана психическими структурами, если анализируемый почувствует, что самостоятельно нашел ее причину — психический конфликт в состоянии удалиться лишь теми путями, какими внедрился. Холодный анализ, т.е. если он не затрагивает чувств пострадавшего, не может принести ни облегчения, ни опыта, пусть даже в основном он и верен.⁷

Итак, надежда на возможность воспитания «правильного» человека не оправдалась — и не в последнюю очередь по причине справедливо упомянутой в словаре «вечности и неизменности основных психических механизмов». Но и цель «профилактики неврозов», которую ставили перед собой пионеры психоанализа, тоже оказалась недостижимой. Дело в том, что индивидуальность каждого отдельного ребенка не дает возможности переработки психических структур планомерным образом. Такой процесс, считает Фигдор, непременно разобьется о комплексность всех включенных в него факторов. А кроме того, подобные намерения были бы опять же весьма опасны по этическим и политическим соображениям. «Но педагогика, называющая себя аналитической, вполне может инициировать положительные шаги развития и предотвратить образование тех структур, которые мешают удачному развитию ребенка. Конечно, удачные психические структуры далеко не идентичны с «психическим здоровьем», они вносят в него лишь свой вклад. Поэтому психоаналитическая педагогика должна ориентироваться не на «профилактику неврозов» а на заботу об уменьшении опасности будущего невротического страдания в условиях неудачных жизненных обстоятельств»⁸.

С постановки таких, гораздо более скромных целей и началось возрождение психоаналитической педагогики, ее истинный ренессанс, в чем огромную роль сыграли теоретические труды и практические разработки Гельмута Фигдора. Он — один из ведущих педагогов-психоаналитиков Европы и известнейший специалист в исследовании душевных проблем разведенных семей. Русские читатели могут ознакомиться его идеями в книге «Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой» (М., 1995). Автора занимают также вопросы помощи трудновоспитуемым детям и их родителям, судимым подросткам,

6 Вопрос целесообразности данного развития вызывает разногласия в научном мире, но мы не станем его касаться, поскольку он выходит за рамки настоящей статьи.

7 Более полно о работе супервизионных групп см.: Фигдор Г. Я тебя понимаю, но тебе этого не скажу // Психологическая наука и образование. 1998. № 1; Психоаналитическая педагогика в больничной школе // Дефектология. 1997. № 3.

8 Фигдор Г. Психоаналитически-педагогическая консультация // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 1. С. 11.

а также учителям и воспитателям детских садов. Его интерес к психоаналитической педагогике начался с вопроса, которым он задался на заре своей профессиональной деятельности.

Почему полезные советы так часто оказываются бесполезными?

«Еще студентом, во время практики, мне пришлось обследовать шестилетнюю девочку, которую мать привела в тестовую психологическую амбулаторию. У Кати («как в свое время у ее матери») трудности в заучивании букв, она легастенична («что унаследовала от отца»), не хочет ходить в школу, часто перед школьными воротами нее начинается рвота и вообще она «ужасно упряма» «неподатлива» и «строптивая».

Во время обследования я наблюдал доверчивую, милую и умную девочку без признаков каких бы то ни было нарушений. Проективные тесты указывали на сильный кризис ее отношения к матери. Психолог, которая беседовала с матерью, договорилась с нею о повторной встрече, чтобы поделиться результатами обследования и разработать план помощи. Однако в назначенный день она заболела, и разговор пришлось провести мне — это была моя первая «родительская консультация», и я не был проинформирован о содержании предыдущей беседы.

Я честно высказал свое мнение: Кати — милая шестилетняя девочка и трудности очевидно, происходят из ее эмоциональных проблем в отношениях с матерью. Меня потрясла реакция матери. Она стала истерически кричать, обвинила меня в том, что я ничего не понимаю... и т.д.»⁹

И лишь после этого молодой доктор познакомился также с проблемами самой матери. Как выяснилось, она страдала в неудачном замужестве, состоявшемся, собственно, по причине ее беременности, а ребенок, которому была принесена «столь великая жертва» казалось, совершенно ее не понимал и не собирался хотя бы частично «вознаградить» мать своими успехами. Мало того, у дочери были очень близкие и нежные отношения с отцом, что вызывало у матери ревность и разочарование. «Теперь можно понять, какой удар нанес я матери Кати. Эта женщина пребывала в таком душевном состоянии, которое не давало ей возможности воспринять правду — по крайней мере в том виде, в каком преподнес ее я. Допустить, именно она «виновница» всех проблем, означало, для нее враз лишиться всех своих представлений о себе и о своей жизни. Однако на это не способен ни один человек».

Далее Фигдор анализирует свое собственное поведение: «То, что я не нашел времени хотя бы бегло ознакомиться с оставленным моей коллегой анамнезом, было не просто моей ошибкой по причине неопытности. Дело в том, что я с первого взгляда почувствовал глубокое расположение к девочке и я страдал вместе с нею. Это значит, что я уже изначально занял определенную позицию, а именно: был настроен матери (поэтому я бессознательно ничего не хотел знать о ее проблемах и «забыл» навести справку).

То, что произошло со мной, представляется мне бедой многих педагогов. Мы любим детей и поэтому готовы тотчас проникнуться их проблемами, а от родителей требуем лишь исполнения их долга и забываем, что они тоже живые люди и у них тоже есть чувства. Мы идентифицируем себя с ребенком, и поэтому нам трудна идентификация с родителем. В результате мы готовы по отношению к родителям занять позицию не полную понимания, а осуждающую, морализирующую и, таким образом, сами, ведем себя, как плохие — всегда лишь чего-то требующие — родители. И пожинаем в результате реакцию, похожую на детскую: сопротивление, раздражение, чувство вины и страх; позицию оборо-

⁹ Фигдор Г. Детский сад: глубинно-психологические аспекты педагогической работы с родителями // Дошкольное воспитание. 1998. № 5.

ны, которая исключает способность к пересмотру своих действий и чувств, а значит, и возможность их изменения»¹⁰.

Фигдор приходит к выводу: неверно думать, будто воспитательные ошибки возникают в основном по причине неверных педагогических представлений или незнания чего-то. Кто из нас не знает, как часто готовы мы следовать дельному совету и как редко советы эти — особенно в вопросах воспитания детей — остаются совершенно неприменимыми, даже если мы прекрасно понимаем их справедливость. Щедрость воспитательных консультаций на всякие разумные советы известна всем, так почему же они приносят так мало пользы? Частично это объясняет вышеприведенный пример Кати и ее матери. Более того, именно советы активизируют в человеке массивное психическое сопротивление, поскольку они затрагивают не только основы его убеждений, но, может быть, и его собственные психические механизмы обороны. Не следует забывать, что в душевных проблемах ребенка в большой степени кроются душевные проблемы самих родителей и педагог обречен терпеть разочарования, если он рассчитывает, что мать или отец, услышав от него вполне разумный и, казалось бы, такой справедливый совет (ниже мы будем говорить о том, что проблема заключается еще и в том, что советы эти скорее похожи на указания), тотчас встанет и пойдет его исполнять. Ведь он имеет дело не с голой конструкцией «родитель», а с живым человеком, у которого существуют свои собственные представления о жизни, сформировавшиеся на протяжении десятилетий, а также свои — особые — чувства и свои — особые — переживания.

Педагогика в том виде, в каком она существовала до сих пор, не может принести отрад-ных плодов, поскольку строится она в основном на методах, сильно напоминающих дрессировку. Будущее педагогической науки представляется нам тесно связанным с проникновением в нее психоаналитического знания. Да ведь это и понятно: как можно врачевать болезни, не имея досконального знания о человеческом организме? Точно так же невозможно плодотворно влиять на человеческую душу, не зная в точности, как именно она функционирует.

«Познай самого себя»

Вот еще один совет, справедливость которого признают все, но мало кто знает, что, собственно, он означает. Каково было человеку примириться с мыслью, что Земля не центр мироздания, а всего лишь его малая частица! Еще больший удар по самолюбию был нанесен открытием Дарвина: человек оказывается вовсе и не венец природы! «Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является хозяином даже в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни подсознательно»¹¹.

Познать себя самого означает узнать о себе и многое такое, что тебе вряд ли «захочется» знать. Например, что и тебе не чужды такие — нормальные — человеческие чувства, как злость, зависть, зависимость, тщеславие, агрессивность и т.п. Для осознания всего этого требуется не только мужество, но и известная способность к диалектическому мышлению. Однако, если я поверю, что в самих моих чувствах беды нет (беда заключается в действиях и поступках), то и само понимание достанется мне намного легче. В конце концов ни у одного из нас нет тех чувств, которых не испытывали бы и другие. Отличает нас друг от друга не разность наших чувств, а разное к ним отношение и то значение, которое мы им придаем. Например, без агрессивности ни одно живое существо, включая человека, не

¹⁰ Там же.

¹¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989. С.181.

имеет шансов выжить, и поэтому страшна не сама агрессивность, а некоторые формы ее выражения. А зависть и тщеславие движут страстью новых открытий и достижений. Еще Пушкин сказал: «Зависть — сестра соревнования. Следственно из хорошего роду»¹². С другой стороны: истребить в себе чувства практически невозможно. Что возможно, так это — большими усилиями и ценой огромных потерь — вытеснить их в бессознательное. Но бессознательное, ведь оно не чужое, а свое, родненькое, и вытесненное неизбежно будет оттуда коварно напоминать о себе. Например, вытесненная агрессивность станет — пусть теперь и весьма subtilно — выражать себя в жалобах на жизнь и устройство мира, в обвинениях окружающих, в поучениях, в слезах и т.п. Однако, набравшись мужества и открыто признав, что «ничто человеческое не чуждо и мне» я лучше научусь понимать не только себя, но через себя и других, я не буду больше бояться их «негативных» чувств и стану меньше осуждать их за таковые. А это значит, что у меня в моей жизни будет гораздо меньше разочарований.

Известный французский психоаналитик и этнолог Жорж Деверю говорит, что в психоанализе, по сути, необыкновенно нова не сама психоаналитическая теория, а методическая концепция о важности анализа понимания человека самим собой. Таким образом психоанализ вносит в педагогику не новые взгляды, а чувствительно задевает ее представления о себе самой. А это в свое время вызывает беспокойство и активизирует защиту у педагогов. Поэтому процесс внедрения психоанализа в педагогику — дело весьма тонкое и требует огромного чувства такта и хорошего знания человеческой души.

Однажды Фигдору пришлось иметь дело с матерью, которая жаловалась, на свою четырехлетнюю дочь — та не желала «соблюдать порядок» разбрасывала свои вещи, придя с улицы не вешала пальтишко на крючок и не ставила туфельки на место, а на замечания матери отвечала обидой и слезами. Мать уже «просто не знала, делать». Конечно, ясно, что проблема здесь не столько в ребенке, сколько в характере самой матери. Но как сказать ей об этом? Раскритиковав ее или предложив несколько «дельных» (пусть вполне справедливых) советов, можно было ухудшить ситуацию: мать почувствовала бы себя обманутой и уже никогда не обращалась бы за помощью ни к каким психологам. А отношения ее с дочерью временем ухудшались бы еще больше, что привело бы к патологизации ребенка. Это была трудная работа для педагога: тактично и тонко убедить мать, что ее требования к малышке явно завышены. Но и девочку следовало подвигнуть к соблюдению порядка, чтобы мать окончательно не потеряла жизни, а это снова непременно отразилось бы и на ребенке. Фигдор утверждает: хорошее самочувствие воспитателей — залог хорошего самочувствия детей! И еще он приходит к выводу: счастливые родители не обязательно автоматически становятся хорошими родителями, но несчастные родители просто не в состоянии быть таковыми как бы они к этому ни стремились. Потому что основа всяких добрых отношений — благодушие.

Любой образец поведения имеет свою свою историю. Зигфрид Бернфелд пишет, что «воспитатель обычно имеет дело с двумя детьми: с тем, который сейчас перед ним, и с тем, которого он вытеснил в себе самом». Поэтому отношение его к своему воспитаннику в большой степени зависят от тех чувств, которые тот в нем будит. Это значит, что он либо будет стремиться подвергнуть его тем переживаниям, подвергался когда-то он сам, либо вообразит себя идеальным родителем, которого так горячо когда-то желал себе сам, и станет позволять «бедному дитяти» все, чего ему самому так хотелось в детстве.

Времена, когда антиавторитарное воспитание внедрялось так наивно и так неосмотрительно пропагандировалась «антипедагогика», к счастью, остались в прошлом. Сегодня мы располагаем знанием о том, что педагог постоянно подвержен опасности бессознательно оказаться втянутым в сцены, которые ужасно напоминают ему те душевные травмы, которые он сам переживал ребенком. И сейчас вновь — неизвестно откуда —

12 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1958. Т.7. С.515.

возникают испытанные когда-то страх, стыд, ярость. В этом случае самым доступным средством защиты кажется спасение за «надежными» барьерами привычных педагогических методов и воззрений. Сегодня мы знаем, что большинство разочарований и ошибок на педагогическом поприще тесно связано с бессознательными переживаниями самих педагогов.

Вот такой пример. В одной из супервизируемых Фигдором групп психоаналитической взаимопомощи учительница рассказывала о своих трудностях с одной из учениц. Та хорошо успевала, была способна и сообразительна, но учительницу раздражала ее «безалаберность»: девочка то забудет учебник, то не доделает домашнее задание, а на замечания отвечает с вызовом: «Ну и что? Я я так все знаю!» Учительница говорила о ней так, словно более ужасного ребенка в жизни своей не видела, хотя другие учителя, по ее же признанию, желали бы себе побольше таких учеников. После того как руководитель группы направил сознание учительницы в русло ассоциаций, та поделилась своим воспоминанием о том, что росла вместе с младшей сестрой, папиной любимицей, которая постоянно вызывала в ней ревность и страх потерять любовь отца. Сейчас она идентифицировала свою ученицу с той заносчивой и несносной сестренкой из своего детства, которая заставляла ее столько страдать¹³. В этот момент учительнице стали ясны ее бессознательные мотивы неприязни к ученице, и она без труда разорвала «порочную связь». Результат не замедлил сказаться: уже на следующем занятии группы она говорила о девочке с возрастающей симпатией.

Педагог по важности его персоны для ребенка стоит сразу после родителей и поэтому постоянно — пусть в сильно замаскированной форме — оказывается втянутым в фантазии и интеракционные действия детей. На него постоянно оказывается давление, в котором репродуцируются его собственные прежние переживания и оживляется его вытесненный ребенок. Но если он этого не сознает, то, сам того не замечая, вскоре оказывается участником инфантильной, постоянно повторяющейся игры, порой фатальной и мучительной для всех участников.

«Педагогические духи» — полярность знания и страха

С внедрением «действенного, изменяющего, инициативного» знания связывает Фигдор свою теорию разъяснения. Душевные порывы, способствующие бессознательному удержанию сомнительных действий родителей и воспитателей, а значит, и их неспособности следовать «полезным» советам, лежат практически на поверхности бессознательного и порой достаточно малейшего усилия, чтобы сделать их сознательными. Это такие чувства, как, например, чувство вины и беспомощности, раненая гордость, потребность в компенсации, ненависть как проявление амбивалентности любовных отношений, страх перед одиночеством и потерей любви ребенка. Как правило, «конфликтные побуждения» внедряются непосредственно в действия, и у воспитателя просто нет времени поразмыслить над их «символикой». Но стоит психоаналитику хотя бы немного смягчить чувство вины и страха, как конфликт уже не кажется больше таким опасным. Говоря о том, что знание и страх полярны по своей сути, психоаналитик приводит пример посвящения мальчиков в тайны сексуальности у некоторых африканских племен. По достижении определенного возраста им открывают тайну, что духов, вторые доставляли им столько беспокойства, на самом деле не существует, те просто выдуманы для устрашения детей и женщин, чтобы их «можно было получше держать в руках».

¹³ Фигдор Г. Психоаналитическая педагогика в больничной школе // Дефектология. 1997. № 3. С. 82.

Что же это за «духи» которые внушают столько ужаса родителям, учителям, воспитателям? Все дело в том, что «заблуждения» эти выполняют весьма важную функцию: они должны препятствовать проникновению неприятных или вовсе невыносимых мыслей в сознательное. Например, версия самоотверженной, идеальной матери помогает защититься от чувства вины, которое непременно возникло бы, если бы мать созналась себе, что многое из того, что она делает по отношению к любому чаду, и служит как раз удовлетворению ее личных запросов (например, требование хорошей успеваемости направлено не только на будущее благо ребенка, но в первую очередь на потребность самой матери в признании, как хорошей воспитательницы и т.п.). Посмотрим трезво, что такое «идеальная мать» в применении к живому человеку? Мать, отказывающаяся «во имя детей» от своих личных потребностей, постоянно находится под таким сильным психическим давлением, которое просто не может не отразиться на ее самочувствии. Она неизбежно несчастна, а как можно от несчастного человека ожидать, что он кого-нибудь может сделать счастливым? Единственное, что он может — внушить чувство вины тем, кому приносятся столь великие жертвы. («Мама и так бедная, а тут еще я...»). Мало того, самоотверженность непременно оборачивается замаскированной деспотичностью: ребенок теперь уже просто не имеет права быть несчастным или от него — сознательно или бессознательно — требуется полное повиновение и особая благодарность («ведь я пожертвовала ради него всем!»). Так или иначе «бедная мама» становится источником столь непомерного чувства вины у ребенка, которое просто не может не привести к невротическим отложениям.

А вот другой «дух». Он заставляет меня верить, что если я все буду делать правильно, то у меня с детьми никогда не будет никаких проблем. И это самообман, основанный на бессознательной фантазии собственного всеисилия всевластия, или, на языке психоанализа, — нарциссическая иллюзия. Но разве существует на свете хотя бы один человек, которому удавалось бы всегда и все делать правильно? И разве мои отношения с другими людьми могут зависеть только от меня?

Еще один «дух» утверждает: «Если братья и сестры здоровы, они никогда не будут ссориться между собой». Однако ревность и соперничество так же естественны в их отношениях, как и любовь, что имеет и своя положительные стороны: опыт борьбы и соперничества воспитывает силу характера и конкурентоспособность. Многие родители считают, что если с их ребенком все в порядке, то у него никогда не будет никаких конфликтов ни в детском саду, ни в школе. Но отсутствие конфликтов — это далеко не показатель душевного благополучия. Более того, в таких случаях можно говорить о том, что они чересчур глубоко спрятаны либо ребенок уже окончательно усвоил подчиненную позицию. Более того, если у взрослых с ребенком нет проблем это еще не значит, что и у ребенка нет его личных внутренних проблем. Конфликты — неперенная составная часть человеческих отношений, и показателем здоровья является не отсутствие таковых, а умение разрешать их с наименьшими потерями для всех участников.

У учителей тоже есть свои «духи». Например: «Послушные дети = здоровые и социально развитые дети». Гипотеза эта давно опровергнута психологами, но она с удивительной стойкостью продолжает удерживаться в сознании. Однако сей «дух» выполняет чрезвычайно важную задачу, он охраняет душевное равновесие самого учителя: ведь с группой исключительно послушных, подчиненных детей работать несравнимо легче, чем с двадцатью или тридцатью настойчиво проявляющими себя индивидуальностями. Или, например, возьмем «святую веру» учителя в абсолютную правильность всех существующих школьных порядков. Она освобождает от необходимости задумываться над своими действиями. Безусловно, школа, как и любой другой общественный институт, не может обойтись без твердой системы правил. Она дает уверенность не только учителю, но и детям. «Проблемы, возникающие внутри этой системы правил, я должен, с одной стороны, решать авторитарно (например, руководствуясь формулой: «Эти правила существуют, и мы обязаны

их придерживаться»), а, с другой, с точки зрения понимания, я должен все же иногда задаваться вопросом: «А почему собственно этого нельзя?» Или: «А в порядке ли наши правила? Не пришло ли время их пересмотреть»¹⁴.

Особенно «коварным типом» считает Фигдор «дух школьного партнерства». Но и он выполняет весьма важную задачу в поддержании хорошего самочувствия учителя, снимая с него ответственность за неуспеваемость или плохое поведение школьников и перекладывая ее на родителей. Требование к родителям заниматься школьными заданиями дома с детьми считает он весьма порочной практикой: это приводит к дополнительным конфликтам дома и усугубляет внешние и внутрисемейные конфликты.

Психоаналитическая педагогика помогает отцам и матерям, а также учителям и воспитателям понять, что бесконфликтного воспитания не существует: дети созданы так, что они не могут все делать сами, без напоминания, они не могут сами соблюдать границы и правила, на то они и дети. И задача взрослых постоянно помогать им в этом. Вера родителей в то, что возможно всегда оставаться добрыми, — опять же всего лишь иллюзия, рожденная как результат отрицания амбивалентности (противоречивости) их отношения к ребенку. Но и это, в свою очередь, защищает от чувства вины и страха, связанного со своей собственной агрессивностью. Однако стоит родителям понять «нормальность» своих чувств, как страх и ощущение вины уменьшаются настолько, что их отношения с детьми меняются буквально на глазах. Ведь, как мы уже говорили, беду приносят не чувства, а действия и поступки. Но положительных изменений, тем не менее, можно достичь только через изменение, этих чувств путем их понимания.

Педагог-психоаналитик не раздает тех «полезных» и «добрых» советов, которые напоминали бы советы по дрессировке или указания вышестоящей инстанции, он ищет внутренние, психические мотивы того или иного поведения, тех или иных конфликтов и, «распутывая узел», помогает воспитателям обрести уверенность и душевное равновесие. А правильные действия приходят тогда сама собой.

Понимание вместо осуждения

Как эксперту по делам несовершеннолетних при венском суде, Фигдору приходится иметь дело с подростками, совершившими правонарушения. Известные до сих пор методы общественного осуждения, укора и наказания в деле ресоциализации давно доказали свое обратное действие. Социальные в психические последствия судимости таковы, что они развивают в подростке именно те черты личности, которые повышают вероятность рецидива. Преступление — это своего рода психопатологический симптом, развитие которого зависит от сопутствующих обстоятельств. Чаще всего бывает так: подростка, осужденного условно, выбрасывают из школы, он теряет своих товарищей, дома его лишают всех удовольствий, да еще с утра до вечера попрекают его проступком¹⁵. Тогда, окончательно потеряв общественное призвание и радость жизни, ему ничего не остается, как бежать туда, где его «поймут», а именно: в шайку таких же, как он, и похлеще. Главное, здесь никто не станет требовать от него стыдиться своего прошлого, более того, там это прошлое становится даже предметом особой бравადы: признание есть признание, не все ли ему теперь равно, какого оно рода? Ведь он и так уже все потерял: любовь, уважение, свое место в обществе. И так из мелкого нарушителя превратится он со временем в насто-

¹⁴ Фигдор Г. Детская агрессивность // Начальная школа. 1998. №. 11-12. С.36.

¹⁵ Фигдор рассматривает также тяжелое душевное состояние родителей этих подростков. Они подвержены такому страшному чувству вины и стыда, что просто не в состоянии совершать действия, которые требовались бы от них в это время, объективно тяжелое и для них.

ящего, убежденного преступника, который теперь всю свою жизнь станет мстить этому «хорошему обществу» за то, что выкинуло оно его когда-то вон.

Как удержать подростка от повторения нарушений? Известные до сих пор методы наказания и общественного осуждения давно доказали свое обратное действие. И вот на помощь приходит психоанализ, то есть знание человеческой души. Фигдор рассказывает такой случай¹⁶. К нему в практику пришел молодой человек, учащийся профессионально-технического училища, у которого были большие конфликты с мастером. Тот постоянно его унижал, использовал в личных целях, а теперь и вовсе грозился выгнать и не дать возможности закончить обучение. Окончательно доверившись доктору, парень раскрыл ему свой план мести: он собрался облить бензином и поджечь автомашину обидчика. Чего можно было здесь достичь «педагогическим» осуждением, пусть даже вполне справедливым? Скорее всего, подросток еще больше ожесточился бы — «никто меня не понимает!» — и, чего доброго, исполнил свою угрозу. Но доктор сказал очень просто: «Я на твоей стороне. Этот мерзавец, безусловно, заслужил и худшего. Но подумай, если ты это сделаешь, тебя арестуют и твоя жизнь окажется искалеченной. А негодяю страховка с избытком возместит убыток. Подумай, кто окажется наказан?» И он посоветовал парню обратиться в профсоюз, что тот и исполнил. И ему действительно помогли. Таким образом, психоаналитическая педагогика предлагает школе и судам новые, более эффективные методы социализации подростков, нарушивших закон.

Развод глазами педагога-психоаналитика

В наше время развод, к сожалению, перестал быть исключением, он относится к «нормальным» тенденциям развития общества. Фигдор рассматривает развод «изнутри», с точки зрения переживаний не только детей, но и родителей, ведь, как говорилось, от душевного благополучия последних в огромной степени на висит душевное благополучие детей.

«Дети реагируют на развод родителей растерянностью в страхе. Дело в том, переживания ребенка решение родителей расстаться — не развод их друг с другом, а развод одного из них со мной, с ребенком. Массивные страхи одолевают его не только из-за потери (чаще всего) отца, он боится теперь потерять еще и мать. Ведь родители объясняют развод так: «Мы не понимаем больше друг друга, и мы последнее так много ссорились». А какой ребенок не поссорится с матерью вообще и особенно в это тяжелое для всех послеразводное время? И он начинает думать: «Кто знает, когда придет момент и мама и со мной разведется. Ведь с отцом она уже развелась».

Дети испытывают ярость, бессильную ярость: каждому знакомо это чувство, когда мы оказываемся брошены. Их одолевает также чувство вины, потому что ребенок думает: «Я был плохой, поэтому папа (мама) ушел (ушла) от меня. Это отражается в свою очередь на чувстве собственной полноценности: «Я не достоин любви, не могу никого удержать». Одна девятилетняя девочка в ответ на сообщение том, что отец переедет от них, потому что они с мамой, постоянно ругаются, сказала: «Я понимаю, что вы друг друга не понимаете и больше не любите. Но зачем ему переезжать, ведь он может жить в моей комнате!» В результате дети реагируют на развод глубокой печалью¹⁷. Но печаль сама по себе не несет невротических нарушений. Есть дети, которые долгие годы испытывают печаль по поводу развода родителей и, тем не менее, остаются здоровыми. Для развития ребенка опасны страхи — сознательные (если они не окажутся опровергнутыми) и, того хуже, —

¹⁶ Фигдор Г. Может ли школа помочь осужденным подросткам? // Вопросы психологии. 1998. №4. С.34.

¹⁷ Фигдор Г. Между иллюзией развода и ответственностью за вину. Психоаналитически-педагогическая консультация для родителей // Психологический журнал. 1998. Т.19. №5. С. 90.

бессознательные поскольку их почти невозможно распознать, для того чтобы опровергнуть.

Страх заставляет многих детей регрессировать, они опять цепляются за мамину юбку. Но это не более как попытка вновь восстановить доверие, которое так пострадало из-за развода. Но доверие восстанавливается очень маленькими шагами. Ребенок испытывает и ярость, которую можно выразить примерно так: «Как вы могли причинить мне такое?! Любите ли вы меня еще, или я стал вам совсем безразличен?» Что необходимо прежде всего, так это освободить ребенка от его чувства вины. А сделать это можно, лишь открыто взяв ответственность за происшедшее на себя. «Ребенку надо дать возможность пережить свою печаль, а для того чтобы он мог печалиться, печалиться надо вместе с ним. Если же родители не оказывают этой «первой помощи» дети остаются один на один со своими страхами. И страхи эти будут усиливаться по причине внешних конфликтов, и прежде всего по причине агрессивных конфликтов между родителями и детьми»¹⁸. Ребенку кажется, что это именно его страх и ярость являются истинной причиной таких конфликтов, а это вызывает непомерный страх. Наибольшей опасностью становится для него любовь к покинувшему родителю, к отцу, этот «корень всех зол». «Потому что, если бы не эта любовь, то не было бы и переживаний. Но там, где собственная любовь и собственная агрессивность становятся опасными, формируется невротический конфликт, т.е. конфликт между противоположными устремлениями: между любовью и ненавистью или между агрессивностью и потребностью в чувстве защищенности и т.д.»¹⁹

Так возникают невротические симптомы, хотя они и не всегда заметны глазу. Часто даже наоборот: невротическая защита и невротический конфликт выполняют функцию приспособления в том, что они успокаивают страхи. Ребенок с виду становится спокойнее. «Но эти формации защиты не более как психический корсет, образующий мощную диспозицию для развития невротических нарушений, которые снижают шансы психического развития, и позже, может быть, спустя годы или десятилетия, могут привести к тяжелым психическим страданиям»²⁰.

В ситуации развода родители сами находятся в столь тяжелом душевном состоянии, что оказание необходимой «первой помощи» детям оказывается весьма затрудненным. Психоаналитическая педагогика видит основную помеху именно в этом, а не в отсутствие у родителей доброй воли. Это еще один пример, когда «полезные» советы оказываются такими бесполезными.

Родителя питают одну огромную надежду: может быть, ребенок спокойно воспримет развод. И если он это сделал, то и слава Богу! Тогда все кажется на месте. Но таким образом круг замыкается: вместо того чтобы оказать ребенку настоящую помощь, окружающие борются с внешними проявлениями его горя. Например, он не имеет права вести себя, «как маленький». Таким образом, взрослые (не впрямую, а бессознательно, неумышленно) только усиливают его страх. Ребенок боится окончательно потерять отца, у него усиливается страх потерять также и мать. Надо только представить себе, как должен он себя чувствовать, когда один из родителей проклинает другого, в то время как сам он ощущает в себе неистребимую любовь к тому, кого так проклинают.

«Чем же можно помочь в такой ситуации? На основе своего многолетнего опыта работы с разведенными родителями и детьми, я хочу упомянуть об одной, широко распространенной и достаточно проблематичной стратегии консультирования. Назову ее «посланиями сверх-Я». Например, это такие замечания: «Вы не подумали, что, может быть, ваш ребенок переживает больше, чем вам это кажется?» или: «Хоть вы и думаете по-другому, но ребенку нужен отец!» или еще: «Ваш брак больше не существует, но это не касается ва-

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же. С.91.

шей ответственности по отношению к ребенку!» «Я знаю, что вы ненавидите вашего мужа, но вы должны думать о ребенке!» и т.д. Поймите меня правильно. Я не хочу сказать, что все это неверно. Мои размышления касаются методики и «техники» консультирования. Я назвал эти стратегии «посланиями сверх-Я» потому что они адресованы в основном к совести и консультант верит что поведение родителя может измениться только на основе его новых познаний и рационального мышления. Успех таких советов весьма сомнителен, и в первую очередь, потому что — как все мы знаем — педагогически поднятый кверху указательный палец, как и вообще любое моральное осуждение («Думайте не о себе, а о ребенке!»), моментально порождает сопротивление. Кроме того, по моему опыту, родители, в своем «неправильном поведении» и в своих ошибочных заключениях, во все не эгоистичны или злы, как это кажется с первого взгляда, просто они в этой ситуации по-другому не могут.

Детям после развода необходимы были бы такие совершенные родители, каких и не бывает в природе. А родители, в свою очередь, и прежде всего тот, с которым остался ребенок, нуждаются в это тяжелое и для него время в детях, которые были бы такими нетребовательными и самостоятельными, какими они еще никогда не были... Мать по причине своего тяжелого психического, социального и экономического положения, а также больших физических нагрузок, которые приносит с собой развод, просто не в состоянии оказать ту самую «первую помощь» требующую спокойствия, терпения и способности проникнуться проблемами другого. Или часто у нее для этого просто нет времени. Кооперативность, совместная ответственность предполагают хотя бы минимальное доверие к партнеру. Но как раз доверие в большинстве ситуаций развода пострадало больше всего. Бывший супруг в глазах другого чаще всего кажется эгоистичным, злым и опасным человеком. А если это так, то какая любящая мать или какой любящий отец отдадут любимого ребенка «дьяволу» или «ведьме»?²¹

Развод травмирует не только детей, но и родителей, он активизирует и их архаические страхи перед разлукой и одиночеством. А в такой трудной ситуации каждый нуждается в несомненной любви хотя бы одного человека.:

В преодолении этого парализующего, лишаящего способности логично и разумно думать и действовать, чувства вины родителей по отношению к детям видит Фигдор самую сложную из всех психологических задач разведенных родителей. Чаще всего, вместо того чтобы «с чистой совестью» взять на себя ответственность за свою вину перед ребенком, родители в качестве способа преодоления своего несносного чувства вины прибегают к обоюдным обвинениям или уповают, что развод не причинил ребенку большого вреда. Эта надежда и становится мощнейшим мотивом отрицания или незамечания страданий детей, вынуждая рассматривать их как «глупости», надоедливость, неблагодарность или объяснять дурным влиянием разведенного супруга или супруги. Именно это, а не отсутствие доброй воли, и мешает понять реакции ребенка как крик о помощи, поддержать его, окружить вниманием и заботой.

Готовность к компромиссу — основа хорошего воспитания

«Нельзя детям разрешать все! Даже если для этого имеются возможности! Для жизни они должны учиться также и отказываться!» — так многие родители выражают свою — довольно широко распространенную — «педагогическую» позицию. Однако, считает Фигдор, — если подумать о том общественном принуждении, которому подвержены дети уже с самого юного возраста, подобные замечания звучат чуть ли не насмешкой. Это нам, взрослым, детские запросы представляются порой чем-то недостаточно серьезным, для

²¹ Там же. С. 92.

самого ребенка они более чем серьезны; и необходимость приспосабливаться к существующему укладу жизни, а также необходимость постоянно отказываться от своих важных и срочных желаний и запросов стоит им огромного труда и больших страданий. Самым трудным в деле воспитания считает необходимость признаться себе в том, сколько боли — как родитель или как педагог, воспитатель — вынужден я причинять детям только потому, что у меня просто нет иного выхода. Мы живем в обществе и без известной доли принуждения нам не обойтись. Однако какой любящий родитель или добросовестный воспитатель в состоянии признаться себе в том, что посредством запретов, заповедей и норм, проводником коих становятся он сам, причиняет он своим любимым чадам так много боли?! Если бы он себе в этом признался, то ему пришлось бы увидеть, что в эти моменты сам он выглядит в глазах детей несправедливым, эгоистичным, злым и агрессивным, а такое признание было бы для него совершенно невыносимо. Тогда, вместо чтобы открыто дать себе отчет в существовании объективного конфликта, мы говорим ребенку: «Чего ты злишься? Это для твоего же блага!» И мы, подводя под свою позицию некий идеологический и педагогический базис, делаем позицию ребенка совершенно бесправной.

«Чего не хватает в поведении родителей и воспитателей в повседневном общении с детьми — это «ответственности за вину» о которой мы говорили выше. Прежде всего, если я сознаюсь самому себе в том, что я, как ответственный взрослый, по отношению к желаниям в ожиданиям детей, вынужден эти желания и ожидания ограничивать и их разочаровывать (быть агрессивным) и иначе просто не могу, то я должен быть в состоянии по крайней мере помочь детям преодолеть разочарования — утешать их найти компромисс, предложить взамен потерянного удовольствия что-то другое»²².

И если я пойму и осознаю это, то я смогу занять совсем иную позицию — полную сочувствия и понимания. Конечно, нельзя забывать, что понимать совсем не означает все позволять, потакать или потворствовать. Понятно, мы любим своих детей и нам хотелось бы всегда приносить им только радости. К сожалению, это невозможно. Но, вместо того чтобы понять это и спокойно сказать: «Мне очень жаль, но у меня нет иного выхода...», мы сразу начинаем нервничать или злиться на ребенка за то, что он «смеет желать» того, чего мы ему дать не в состоянии. Но таким образом мы всего лишь защищаемся от собственного чувства вины и самый подручный способ в таких обстоятельствах ~ перевалить вину на другого, пусть даже на самого ребенка: «Как ты смеешь постоянно чего-то желать в требовать, ведь ты же знаешь...» При этом мы совершаем еще одну ошибку, причем совершенно ужасную по своим психическим последствиям: мы отказываем ребенку не просто в исполнении желания, мы отказываем ему а праве на само желание²³. Фигдор советует родителям и педагогам любое отказ начинать искренне и добро: «Я понимаю, как тебе этого хочется и мне очень жаль, что я вынужден...» и т.п. Нет необходимости «педагогизировать» свои действия по отношению к детям, разумнее занять позицию доброжелательной требовательности. На то мы и взрослые, чтобы взять ответственность на себя, а не переваливать ее на детей.

О важности запретов, рамок, границ говорить излишне, всем ясно, что без таковых обойтись просто невозможно. Но как научиться так вносить ограничения и запреты, чтобы, ребенок не испытывал по отношению к нам враждебного чувства? Первое и самое главное — отказывая, ни в коем случае нельзя злиться. Агрессивность и любовь — чувства полярные по своему значению. Когда мы, запрещая или отказывая, злимся, упрекаем в неблагодарности и завышенных запросах, у ребенка складывается впечатление, что запрет мотивирован не объективными причинами, а отсутствием любви. Тогда мы вызываем в нем ответное чувство ненависти. Более того, он учится отождествлять любовь с подарками и поощрениями. Хорошим и счастливым воспитанием можно назвать такие отно-

22 Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. М., 1995. С. 91-92.

23Подробнее об этом см. Там же.

шения между родителями и детьми, которые приносят как можно меньше огорчений тем и другим, а такое возможно лишь там, где есть постоянная готовность к компромиссу.

Однако понимание — это еще не все. Важно научиться претворять понимание в педагогические действия. Одна учительница рассказывала о своем ученике, первокласснике Норберте²⁴, живом и развитом ребенке, который, тем не менее, постоянно мешал ходу занятий своими выходками: то он разговаривает с соседом, то начинает есть, а то и вовсе идет к окну. Учительница говорит: «Собственно, он очень милый мальчик, но это ребенок, требующий неразделенного внимания». Итак, она понимает проблему Норберта, но как она реагирует на его «выходки»? «Чаще всего я стараюсь его не замечать. Ведь это бесполезно..», — задумчиво говорит учительница. Короче, делает она нечто обратное своему пониманию. Как часто учителя и родители прибегают как раз к тем мерам, которые, кажется, ставят целью скрыть от ребенка, что они его понимают. Более того, их меры нередко выражают позицию, противоположную их истинным чувствам.

Изменить эту ситуацию можно лишь одним способом: помочь родителям не только понять ребенка, но и осознать свои собственные чувства. А также признать за собой право эти чувства испытывать. Таким способом они смогут значительно редуцировать в себе чувство вины, стыда и страха, что уже само по себе ведет к изменению педагогических действий и воззрений. Психоанализ в применении к педагогике ставит своей задачей помочь родителям, педагогам и воспитателям разобраться не только в чувствах детей, но и в своих собственных, и научиться полученное знание претворять в жизнь.

²⁴ Фигдор Г. Я тебя понимаю, но я тебе этого не скажу // Психологическая наука и образование. 1998. №1. С. 59.